

УДК 94 (47) 046/047 + 39

Л.И. Шерстова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ В XVII–XIX вв.**

Ставится проблема определения характера традиционного хозяйства аборигенов в начальный период присоединения Сибири. Рассматривается широкий круг вопросов, связанных с развитием торгово-обменных отношений аборигенов и раннего русского населения. Выявляются экономические и политические факторы, следствием действия которых стала переориентация аборигенного хозяйства в сторону специализации. Делается вывод о хозяйстве аборигенов как составной части российской экономики начиная с XVII в.

Ключевые слова: Южная Сибирь, аборигены, традиционное хозяйство.

Русские источники периода присоединения Сибири дают достаточно полное представление о хозяйстве и основных занятиях аборигенов. Это обстоятельство напрямую отражало не только заинтересованность московской власти в формировании податного населения, но и возможность использования хозяйственных достижений коренных народов Сибири для скорейшей адаптации русских в новых условиях.

Следует подчеркнуть, что, за некоторыми исключениями, хозяйство тюркоязычных этносов Обь-Енисейского междуречья имело комплексный характер. Это позволяло аборигенам не только максимально успешно применяться к местным ландшафтно-климатическим особенностям, продуктивно воздействуя на них, но и придавало заметную устойчивость их системе жизнеобеспечения в целом. От южной кромки тайги до отрогов Саяно-Алтая были распространены все виды традиционной деятельности: скотоводство (включая коневодство и овцеводство), земледелие, охота, рыболовство, собирательство, горная добыча и металлургия, а также ткачество и кожевенное дело.

При «ставлении» сибирских городов и острогов, возникавших, как правило, в ясачных волостях на местах аборигенных центров («городками», «землицами») или рядом с ними, не только применялась непосредственная помощь уже живших здесь людей, но и использовались их хозяйственные достижения. В период строительства Томского города подданные князя Тояна пригоняли туда своих лошадей для перевозки бревен и несли подводную повинность. Возведение в 1628 г. острога Красный Яр (Красноярск) сопровождалось помощью князей Тюлькиной земли Татуша и Обитая, которые встретили Андрея Дубенского за порогом и «лошадей давали на острог лесу возить» [1. С. 22].

Особо отмечу, что первые русские поселения в Сибири, оторванные от собственно России, поначалу повсеместно и полно пользовались возможностями аборигенного хозяйства для обеспечения собственной жизнедеятельности. В русских городах и острогах не хватало лошадей и скота, и это вызвало к жизни активные торгово-обменные отношения русских поселенцев со скотоводческими народами.

Перекочевка торгоутов Хо-Урлюка в западносибирские степи привела к непосредственному их соприкосновению с территорией, контролируемой русскими служилыми людьми. Неизбежно возникали противоречия, для исправления которых Хо-Урлюк в 1606 г. отправил в Тарскую крепость посольство. Торгоуты, в частности, предлагали развернуть в Таре торговлю [2. С. 25]. По справедливому замечанию Ш.Б. Чимитдоржиева, вообще «с первых же лет русско-ойратских отношений обе стороны придавали серьезное значение торговле», результатом чего, в частности, стало выделение в Томске в 1646 г. специального места «калмыцкий торг». Здесь томичи закупали не только лошадей, но и крупный рогатый скот, овчинные тулупы, кожаные и шорные изделия [2. С. 33].

Важной составляющей русско-телеутского союза, заключенного в 1609 г., также было разрешение подданным князя Абака торговать близ Томска [3. С. 36–39]. Вскоре после этого события в отписке томских воевод сообщалось, что «Обак князь, и мурзы колмацкие, и их люди, и черных колмаков люди (калмыки-ойраты. – *Л. Ш.*) немногие с белыми калмаки (телеутами. – *Л. Ш.*) почали часто з базаром, с лошадьми и коровами приходить в Томский город, и лошадьми, государь, и коровами служилые люди наполнились в Томском городе» [4. С. 46].

О том, сколь серьезно русские воспринимали эту торговлю, свидетельствует эпизод с попыткой запрета «калмыцкого торга» в Тюмени в 1647 г. Тогда тюменский воевода И. Тургенев, ссылаясь на распоряжение Сибирского приказа, не позволил прибывшим в город калмыкам приступить к торговле и велел следовать в Тобольск. В ответ на это все тюменское население, независимо от сословной принадлежности, выступило на стороне ойратов и потребовало вновь открыть «калмыцкий торг», «чтоб от безлошадства б им не погибнуть вконец и... царской им службы, а пашенным крестьянам пашни не отбить» [2. С. 34].

Скотоводческая направленность хозяйства у части сибирских народов, по сути дела, снимала проблему снабжения городов и острогов лошадьми и скотом из Европейской России и, следовательно, укрепляла хозяйство русской части сибирского населения. Стоит заметить, что в некоторых случаях местные породы скота оказывались более продуктивными, поскольку они прекрасно вписывались в природно-климатические условия Сибири. Именно этим объясняется широко развернувшаяся скототорговля между казаками и крестьянами Кольвано-Воскресенской крепостной линии и «канскими, каракольскими калмыками» (предками алтай-кижи Горного Алтая) в середине XVIII в. В 1748 г. линейный начальник Киндерман закупил несколько «зенгорских быков», отличавшихся «дородностью и силой» [5. С. 130]. За 1747–1752 гг. в Бикатунскую крепость и Чагырский рудник из горных районов Алтая для продажи прибыли 794 лошади, 3590 быков, 900 овец [6. С. 153].

Едва ли не более важной задачей, стоявшей перед руководством первых русских городов и острогов, было снабжение служилого населения хлебом, так как часть «государева жалованья» выплачивалась именно хлебом, завозившимся первоначально из Европейской России. При этом, напомним, земледелие издавна было известно южносибирским аборигенам. Так, характери-

зую кузнецких людей, живших вокруг Кузнецкого острога, документ 1622 г. свидетельствует: «Живут они в горах, а на горах растет всякий лес, и тот лес расчищают, пашню пашут, сеют пшеницу, ячмень, коноплю» [7. С. 191]. Земледелие практиковалось и в горных районах Алтая, в Кан-Каракольской землице – в «их крайних таутелеутских волостях», где, как отмечается в документе 1748 г., наряду с «тамошними обывателями пашни пашут и приезжие» [5. С. 82].

Местное население оптимально использовало природные условия Горного Алтая: центральные и западные его районы по преимуществу были скотоводческими, территории, лежащие к северу, – скотоводческо-земледельческими.

Обработкой земли занималось и население Качинской землицы: сеяли ячмень и курлык (кырлык, дикая гречиха). По данным С.В. Бахрушина, «в первые годы Красноярска русские вынуждены были покупать у них курлык дорожною ценою». Несмотря на важную роль скотоводства в культуре «качинских татар», земледелие занимало весьма заметное место в их экономике. В 1666 г. они совместно с русскими служилыми людьми участвовали в военной экспедиции против кыргызского князя Иренака. Когда же стало ясно, что поход затягивается, качинцы стали просить, «чтоб их в город (Красноярск. – Л. Ш.) отпустили и чтоб курлыки не пропали», ибо пришло время уборки урожая. Просьбы оказались столь настойчивыми, что поход пришлось отменить [1. С. 33].

Не менее нагляден пример значимости земледелия в традиционном хозяйстве у обитателей Горного Алтая. В 1756 г., в самый разгар джунгаро-китайской войны, зайсан Гулчугай был вынужден оставить часть своих людей на реках Бухтарме и Нарыму, чтобы завершить жатву [5. С. 103]. Продукты земледелия в Южной Сибири не только являлись неизменным компонентом традиционного рациона, по возможности – торговли, но иногда выступали в форме дани. Если русские власти изначально стремились взимать ясак пушнина, то енисейские кыргызы и джунгары включали в алман и продукты земледелия, а то и просто отбирали их у своих данников-кыштымов.

Евразийской социально-политической традицией является стремление к постоянному росту числа подданных государства. Поэтому и для русских властей в Сибири главной целью аборигенной политики долгие годы оставалось непрерывное увеличение количества ясачных волостей, т. е. податного населения, способного платить пушной ясак. Российское общество XVII в. переживало структурные изменения, одной из важнейших черт которых было оформление сословий. Сословная принадлежность, в свою очередь, определялась видом тягла.

Земледельческая (шире – сельскохозяйственная) ниша производящего хозяйства уже была занята русскими крестьянами – выходцами из Европейской России. К тому же фискальная политика в Сибири была с самого начала нацелена на получение максимального количества «мягкой рухляди» в виде ясака. По ряду причин пушнина являлась главным компонентом государственной казны Московского царства и даже первых лет Российской империи, а получить ее в нужном объеме можно было только в Сибири.

Становление и усиление крепостного права суживали возможности восточной колонизации азиатских просторов российскими выходцами. Поэтому основными поставщиками пушнины могли быть сибирские аборигены. Выплавившаяся ясак как особый вид тягла, они автоматически занимали нишу приращивающего хозяйства в традиционной доиндустриальной экономике России.

Следует иметь в виду, что земледелие, являясь неотъемлемым элементом экологически сбалансированного комплексного хозяйства южносибирских народов, нигде у них не преваляло, не обладало необходимым экономическим потенциалом, способным сразу и полностью удовлетворить потребности населения ранних русских городов в Сибири. Хлебные выплаты служившим людям тем не менее требовали развития местного сибирского земледелия как основного, специализированного вида производственной деятельности, в силу указанных причин не базировавшегося на аборигенном. Земледельческое сословие в Сибири фактически сразу создавалось за счет крестьян-переселенцев из России – не обязательно этнических русских.

Уже в 1604 г., сразу после основания Томска, Г. Писемский и В. Тырков определили «зырян новоприборных» поднимать «государеву пашню» для хлебного снабжения гарнизона новой крепости. Однако организовать это дело должным образом томские основатели не смогли. Через год из собранных 50 зырян на земле осталось лишь 5 человек, пришлось все начинать заново в 1605 г. [8. С. 122–123].

Выбор зырян в качестве хлебопашцев, видимо, был связан с тем, что они имели опыт ведения земледельческого хозяйства в таежной зоне. Но, оказавшись в Сибири, «новоприборные», очевидно, пользовавшиеся известной свободой, разбежались и занялись самым прибыльным для Сибири делом – охотничье-рыболовным промыслом. Имеются сведения, что эти зыряне в 1620-е гг. промыслили во владениях князца Тутала в Мелесской ясачной волости Томского уезда вместе с его подопечными [9. С. 61].

Природные особенности, разнообразие рельефа и ландшафтов, низкая плотность населения и относительная слабость государственной власти на обширных территориях Сибири обуславливали и корректировали хозяйственные пристрастия российских новопоселенцев. Часто они просто меняли хозяйственные занятия в зависимости от новых обстоятельств жизни, а если и сохраняли земледельческую направленность, то начинали осуществлять ее в соответствии с местными аборигенными традициями и навыками.

Одной из характерных особенностей земледелия сибирских аборигенов, особенно в таежной и лесостепной зонах, являлся, в частности, отказ от выжигания леса под пашню. Так, кузнецкие люди (предки современных шорцев), выбрав в горной тайге на южном склоне участок для распашки и посева зерновых, очищали его от подлеска и кустарника, обрубали ветви деревьев на высоту поднятой руки человека, но не срубали, не корчевали и не поджигали сами стволы. Между ними либо взрыхляли почву с помощью абыла (мотыги), либо пахали ее легкой сохой (озуп, салда) на конной тяге. Поле засеивали, преимущественно, ячменем, репе – овсом, кырлыком, просом,

кендырем (коноплей) и возвращались туда, обычно, лишь осенью (яровые) или весной (озимые) для сбора урожая.

Особо подчеркну: к огню, особенно в таежной полосе, *все* сибирские аборигены относились как к самой серьезной опасности, источнику потенциальных бедствий. Показательна кумандинская пословица: *«Потоп пройдет – что-то останется, огонь пройдет – ничего не останется. С огнем не шутить»* [10]. Люди отдавали себе отчет в том, что в результате большого пожара создавалась реальная угроза всей системе жизнеобеспечения, поэтому «пускать палы» ни у охотников-рыболовов Сибири, ни у здешних земледельцев-скотоводов было не принято, а кое-где категорически запрещалось. В некоторых случаях – эпидемии, эпизоотии – люди сжигали свои жилища и хозяйственные постройки, чтобы уничтожить злого духа болезни и переселиться в безопасные места, но это было исключение, подтверждавшее правило.

Подобная ситуация отмечена К. Доннером в полевых материалах 1911–1913 гг. Он упоминает частые столкновения селькупов с эвенками из-за того, что последние для «защиты от эпидемий» применяли пожары. Покидая места, где распространилась оспа, они «по своему обычаю поджигали лес», и в качестве возмездия за это подвергались нападениям селькупов «в любое время» [11. С. 56, 58]. Кызыльцы в 1830-е гг. в жалобах властям на нарушения своих прав и хозяйственного уклада приводят выразительные описания постоянных пожаров в верховьях Белого и Черного Июсов, связанных с развитием частной золотопромышленности в этот период [12. С. 100, 110]. Сибирская администрация и служилые люди были хорошо осведомлены о страхе аборигенов перед пожарами. Поэтому в XVII и даже в начале XVIII в. воинские отряды нередко использовали поджоги леса и степи в борьбе с «немирными землицами» и «государевыми непослушниками». В хакасском фольклоре сохранился сюжет о походах казаков из Томска против енисейских кыргызов. Походы предпринимались чаще всего весной – как только сходил снег. Служилые пускали пал, в степи бурно разгоралась прошлогодняя сухая трава. От бушующего пламени кыргызы вместе с кыштымами убежали далеко в горы, забыв о сопротивлении [13].

Вообще система комплексного, неспециализированного, экологически сбалансированного хозяйства, свойственная большинству сибирских аборигенов, предполагала, во-первых, оптимальное использование всех без исключения природных ресурсов и особенностей этнической территории и, во-вторых, сохранение всех угодий в более или менее нетронутом виде. Эти два основных постулата издревле стали глубинной частью ментальности коренного населения Сибири – что называется, «на уровне инстинкта». Ход рассуждений, скажем, шорца или кызыльца был примерно таков: сегодня он пашет и сеет, а завтра – непогода или засуха, неурожай, голод и смерть. Если под пашню выжжен и выкорчеван лес, где охотник добудет зверя для пропитания, где, наконец, промыслит пушнины на ясак, который чуть ли не до половины XIX в. не принимали деньгами? То же самое относилось и к другим природно-географическим зонам, например к степи, хотя и в несколько меньшей степени. Поэтому, повторюсь, земледелию аборигенов не была

свойственна подсечно-огневая форма, столь характерная для Европейской России.

Оказавшись в Сибири, немалое число русских поселенцев кардинально меняло свои занятия. Отказавшись от земледелия, они переходили к при-сваивающему хозяйству, к охотничьему и рыбному промыслам, собирательству. Природная среда, социально-политическая ситуация, экономические отношения способствовали развитию тех форм деятельности, которые в сибирских условиях приносили максимальную выгоду. При этом надо учитывать, что освоение Сибири почти весь XVII в. шло преимущественно севернее лесостепной и степной зон, по тайге. Эта своеобразная «архаизация» хозяйственной деятельности русских неизбежно приводила к тому, что они прямо заимствовали у аборигенов виды, способы, навыки охоты, рыбной ловли, вообще добывающего хозяйства, способного в Сибири давать даже избыточный продукт.

Более того, те из русских, кто продолжил обрабатывать землю, приспособились к местным условиям отнюдь не без серьезного воздействия аборигенного хозяйства. Это привело если не к деградации русского земледелия, то к заметной консервации его форм и методов. В отчете о состоянии Кузнецкого округа за 1888 г. говорится, что «...способ ведения хлебопашества и земледельческие орудия у крестьян первобытного свойства. Земли много, и хотя крестьяне жалуются постоянно, что им мало таковой для хлебопашества, то это только потому, что они при обработке земли держатся переложной системы, т. е. годов 5–6 попасут на одном месте, затем в другом и так далее. Старую же землю оставляют на отдых, и она пустует, пока не дойдет до нее лет через 12–15 снова очередь» [14]. Такое «кочевое» ведение крестьянского земледелия сближало его с аборигенным. Временной режим использования пашни полностью соответствовал земледельческому ритму сибирских народов, базировавшемуся на обилии земли и низкой плотности населения. Именно последнее обстоятельство повлияло на повсеместное развитие в Сибири заимочного хозяйства. Подчеркну при этом, что у него был местный прототип в виде сезонных малолюдных (часто семейных) поселений сибирских народов, и поэтому оно имело прямые аналогии в сезонном ритме жизни аборигенов.

Займки стали неременным элементом хозяйственного и социального бытия русско-сибирского населения в конце XIX в. Они использовались как сезонные участки землепользования для занятий пчеловодством, сенокосением, земледелием, как временные пастбища для скота. Исследование заимочного хозяйства в Горном Алтае показало, что, согласно переписи 1897 г., хозяйства такого типа имели 6,3% всего здешнего русского и аборигенного населения [15. С. 1]. Но главным образом они сосредоточивались в северных районах Алтая, где доля заимочников доходила почти до 30%. Учитывая, что перепись давала официальные данные, следует полагать, что распространение займок в Горном Алтае выходило за пределы этой цифры. Показательно, что 60% займок принадлежало старожилам, из которых лишь 41% хозяйств использовали землю под запашку. В то же время 86,4% всех хозяйств русских крестьян и 71,8% аборигенов практиковали на займках совершенно

инные виды жизнеобеспечивающей деятельности: охоту, рыболовство, сенокосение, пчеловодство, ореховый промысел [15. С. 27–28]. В тесной связи с сезонным характером заимочного хозяйства находился и тип расположенных там жилищ. Наряду с избами и домами с крытыми дворами в северных районах Алтая 0,4% русских и 3,5% аборигенов имели жилые юрты. На переселенческих участках, образованных в 1878 г. в южных районах Горного Алтая, к началу XX в. юртами в качестве жилищ пользовались 4% крестьян-старожилов и 10% мещан, мотивируя это дешевизной и достаточной комфортностью таких сооружений [15. С. 9; 16. С. 63].

Близкие аналогии аборигенного и крестьянского хозяйств как по форме, так и по содержанию свидетельствуют, во-первых, о том, что русские поселенцы широко и без предвзятости перенимали у соседних коренных народов положительный опыт жизнеобеспечения в Сибири. Они не только в значительной степени переориентировали свою хозяйственную деятельность от производящих форм к добывающим, но и органично вписались в экономические ниши, издревле присущие аборигенам. Во-вторых, тесные этнокультурные контакты аборигенов с русскими способствовали быстрой адаптации последних в новой природной и этнической среде. Пришлого население в известной степени испытало архаизацию хозяйства, «производственный регресс», но и хозяйственно-культурная система коренных обитателей Южной Сибири тоже подверглась заметному обеднению, примитивизации и даже необратимой деструкции, тому были экономические и социальные причины, связанные со спецификой устройства, функционирования и внутренней политики Московского царства (в меньшей степени – Российской империи).

Наибольшей неожиданностью для ранних русских служилых людей оказались развитые у ряда южносибирских этносов горное дело и металлургия (черная и цветная), являвшиеся неотъемлемой частью всего их комплексного хозяйства и жизненного уклада. Неслучайно две совершенно разные этнические общности, разделенные сотнями верст, в русских документах получили одинаковое название: «кузнецкие люди», «кузнецы». На севере это кетоязычные этносы вокруг Енисейска, на юге – тюркоязычные обитатели бассейна Верхней Томи и Горной Шории. В источнике 1622 г. о последних говорится: «А около Кузнецкого острога на Кондоме и Брассе реке стоят горы каменные великие, а в тех горах емлют кузнецкие люди камень, да то камень разжигают на дровах и разбивают молотками, просеив, сыплют понемногу в горн, и в том сливается железо, а в том железе делания пансыри, бехтерцы, шеломы, копыи, рогатины и сабли и всякое железное опричь пищалей... а кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело» [7. С. 191].

Укрепление русских в Сибири было напрямую связано с их обороноспособностью, чем и объяснялась постоянная потребность в железе, также поставившемся из-за Урала. В сибирских документах XVII в. часто встречаются указания на просьбы местных воевод о поставках железа, либо свидетельства о его отправке в сибирские города и остроги [4. С. 254–255]. Ситуация усугублялась также и нехваткой кузнецов в русских селениях. В отписке за 1639 г. Я. Тухачевский сообщал о том, что из Тары в Томск для похода

против енисейских кыргызов прибыли служилые, но «копей... у них нет и железо в Сибири дорого... Всего в Томском городе две кузнечишка» [17. С. 91]. И гораздо позже, в 1761 г., население дер. Убинской просило о переводе к ним из дер. Талицкой крестьян Ляпуновых, знавших кузнечное дело, так как в Убинской и округе не было ни одного кузнеца [18. С. 103]. Развитая металлургия аборигенов юга Сибири могла бы оказаться существенной поддержкой для первых русских городов и острогов. Поначалу воеводы разрешали кузнечным людям вносить часть ясака железом. В ряде документов говорится о том, что из кузнечных волостей наряду с «мягкой рухлядью» в Томск присылали железо [17. С. 35]. Однако в 1626 г. из Москвы поступило предписание о запрете брать ясак железом. Видимо, это было связано с осознанием русскими властями той роли, которую играли кузнечные люди в противостоянии русских форпостов и аборигенных государственных образований Южной Сибири. Основным содержанием алмана, который собирали с части населения региона джунгары и енисейские кыргызы, являлись железные изделия. Именно благодаря кузнечным людям вооружение и доспехи тех и других не уступали русским [18. С. 92]. Выплата алмана не ограждала кузнечных людей от набегов своих бывших сюзеренов. В 1713 г. к «хумянгаям» (кумандинцам) за данью прибыл из Джунгарии Дюрень (Дюренг). Навстречу ему выехал отряд русских служилых из Кузнечной крепости, и Дюрень бежал, бросив собранный алман, в который входили «66 котлов железных, 109 таганов, шестеры стремена, железа конские» [19. С. 313].

Словом, в развитии аборигенной металлургии были заинтересованы и ойраты, и енисейские кыргызы, и они поощряли ее бесперебойное функционирование. Но в жестком подчас противодействии тех и других русским в борьбе за кыштымов для русских сохранение местного кузнечного дела и добычи металлов означало усиление обороноспособности врагов России в Южной Сибири. На протяжении всего XVII и первой половины XVIII в. население Северного Алтая, частично Шории имело статус двоеданцев, а русские власти не могли полностью контролировать кузнечных людей вплоть до разгрома Джунгарии Цинами. Но и в такой сложной обстановке, усугубленной нехваткой поставок железа из Европейской России и отсутствием нужного количества крестьян-кузнецов, центральные и местные русские власти упорно держались за исключительно «пушной» состав ясака. Это, в свою очередь, соответствовало общей направленности аборигенной политики России в Сибири [9. С. 27–28, 69–86]. В то же время в этом регионе московская ясачная политика с ее гипертрофированной пушной направленностью вступала в серьезное противоречие с основными видами деятельности и комплексного хозяйственного уклада коренных народов Северного Алтая, Кузнечной котловины, Кузнечного Алатау и части Шории. Среди них были обычны протестные акции, вплоть до бегства к джунгарам или кыргызам. С другой стороны, эта политика выразилась в претензиях воевод кузнечным ясачным, основной мотив которых однообразен: мало того, что те «дают ясак не полный», так он еще и «худой», «недобрый» [4. С. 421, 433], т. е. состоит из низкосортной пушнины.

Суть же конфликта крылась в том, что в комплексном хозяйстве кузнецких людей и северных алтайцев горная добыча и металлургия занимали важнейшее место и были органично встроены в общий жизненный ритм. Именно металлические полуфабрикаты и изделия составляли основное их богатство, являясь предметами обмена, торговли, алмана. Промысел пушного зверя, как, собственно, и везде в Сибири, имел подсобный характер. Непосредственно в комплексе жизнеобеспечения ценные шкурки были малозначимы, занимая свое место лишь в торгово-обменных и, отчасти, даннических отношениях. Русские же власти, в силу указанных выше причин, не были заинтересованы в существовании горнодобывающего дела и металлургии у южносибирских аборигенов, равно как охоты для пропитания и собственного земледелия. Как и по всей Сибири, они целенаправленно изменяли весь их хозяйственный уклад в своих интересах, формируя из него специализированный, бесперебойно действующий «механизм» по добыче «мягкой рухляди» и сдаче натуральной подати. Следствием всего этого становилось не только взаимное недовольство, но и отчетливая деградация металлургического и железоделательного производств, упадок их до уровня домашнего ремесла.

Так, если в начале XVII в. русские служилые постоянно жаловались на плохое качество и скудость пушнины у кузнецких людей, но отмечали их отличные железные изделия, часто превосходивших русские по качеству [18. С. 82–84], то уже спустя сто лет Георги пишет совсем иное: «Промыслы (их) состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении железа и землепашестве. *Звериная ловля есть главное их дело...* потому наипаче, что всякая душа полезна им в рассуждении как *шкур, которыми они подушный свой оклад очищают*, так и мяса... *землепашество их незнатное*, мало кто в нем упражняется, и пашни таковых земледельцев едва могут величиной сравниться с знатными огородами... скотоводство их во всем подобно телеутскому, *но еще менее оного*» [20. С. 163] (курсив мой. – Л. Ш.). Еще через сто лет В.И. Вербицкий убежденно свидетельствовал: образ жизни «кузнецких и черневых татар» полностью связан со зверопромышленностью, сбором кедрового ореха и земледелием, «находящимся в первобытном состоянии... Кроме искусства бегать на лыжах в шорцах в высочайшей степени развит разумный инстинкт на звероловстве... в лесной сфере проявляется в них необыкновенная сметливость...» [21. С. 32–33]. В 1920-е гг. томский врач А.Н. Аравийский отмечал: «Пушной промысел – основное в жизни их, обуславливающий экономическое состояние семьи, быт и т. д.» [22. С. 124]. Таким образом, в начале XX в. в хозяйственной жизни аборигенов Южной Сибири произошел полный переворот. Разрушилась и переориентировалась вся система их ментальных установок. За ненадобностью из повседневной реальности, менталитета и привычек исчезли многие этнокультурные традиции, связанные с неохотничьими отраслями, поскольку прекратилась их естественная повторяемость из поколения в поколение. Все это происходило примерно в одном направлении и с одинаковым результатом по всей Сибири, независимо от природных зон.

Из-за гипертрофированного значения *обязательного* ясачного промысла весь образ жизни коренных народов Южной Сибири обрел *единообразную «охотничью» окраску* даже там, где ее не было в течение столетий, а охота являлась необходимым, но не основным видом жизнедеятельности. «Ясачная охота» попросту не оставляла места для прочих компонентов прежней системы жизнеобеспечения, и традиционная экономика деградировала, а ее продукты все более замещались русскими. Аборигены утратили тысячелетний опыт комплексного хозяйства, чья сбалансированность и экологичность позволяли им и их предкам вполне комфортно развиваться в условиях Южной Сибири. Узкоспециализированное хозяйство делало его носителей всецело зависимыми от природы и внешних влияний. Его прямые результаты со временем все более жестко обуславливали материальное благополучие всех и каждого. Постепенно сложилась система, сходная с наемным трудом за натуроплату: аборигены, сдав ясак и выменяв часть пушнины на русские хлеб, ткани, орудия и пр., только так и могли обеспечить себе относительно нормальное существование. Все производственные навыки, кроме охотничье-рыболовческих и собирательских, были забыты, а жизнь ясачных делалась все более зависимой от сибирской администрации, оптовых торговцев, перекупщиков. И любая случайность (неудачный промысел, лесной пожар и пр.) была чревата теперь общей бедой – прежде всего, голодом. Неслучайно сюжет «народного голода» занимает столь заметное место в фольклоре всех коренных этносов Сибири [9. С. 96–97].

Впрочем, социально-экономическая переориентация аборигенов проходила как бы сама собой. Необратимые изменения во внешне привычных, евразийских формах исподволь разъедали традиционную систему жизнеобеспечения, куда входил и менталитет, не казались чем-то опасным для здешнего общества и даже не отложились в ментальности. Таким незаметным разрушительным фактором, постоянно действовавшим на протяжении столетий, оказалась привычная выплата ясака, в конечном счете безвозвратно трансформировавшая весь облик социума коренных этносов [9. С. 97]. Наряду с явной деградацией аборигенного хозяйства следует отметить и его гибкость, а также подверженность трансформациям, связанным с втягиванием коренного населения Сибири в рыночные отношения начала XX в. Русско-монгольская торговля, развивавшаяся с середины XIX в., постепенно превращала Горный Алтай в транзитную территорию. Под влиянием этих факторов начало медленно переориентироваться скотоводство в горно-степных районах. Все большее место стало занимать разведение крупного рогатого скота, выращиваемого специально на продажу. Так, если поголовье лошадей с 1897 по 1916 г. увеличилось на 9%, то поголовье крупного рогатого скота выросло на 53%. «Скотоводство начинает принимать характер скотопромышленности» [6. С. 330; 23. С. 18], направленной в первую очередь на удовлетворение потребностей внутреннего и, особенно, внешнего рынка. Из алтайской среды постепенно выделяются прослойки скупщиков-оптовиков, ростовщиков. Некоторые «баи-прогрессисты», вроде братьев Кульджиных, делают свое скотоводство товарным, продавая по 200 голов крупного рогатого скота, специально откормленного для продажи [6. С. 331], устраивая

конные заводы. Из массы рядовых алтайцев тоже стали выделяться предприимчивые люди, разбогатевшие на торговле, например «калмык пятой дючины» Павел Туйтыш, ежегодно продававший по 250 голов крупного рогатого скота [24. С. 79]. Строились маслобойни, шерстобитни, приобретались сельскохозяйственные машины [6. С. 335]. Формировалась, с одной стороны, национальная буржуазия, с другой же – разорявшиеся скотоводческие низы создавали рынок рабочей силы.

Опыт изучения аборигенного хозяйства на протяжении XVII – начала XX в. позволяет лишний раз убедиться в гибкости и приспособляемости комплексного хозяйства традиционного общества, в его значительном внутреннем потенциале, в способности трансформироваться как в сторону регресса, так и прогрессировать, когда создаются возможности для дальнейшего развития.

Тесные хозяйственные и культурные связи аборигенов и первых русских поселенцев привели к формированию раннего сибирского хозяйственного комплекса, составными частями которого явились промысловые и сельскохозяйственные занятия как коренных этносов, так и русских крестьян. Это, кстати, способствовало формированию к рубежу XIX–XX вв. общих интересов у всего сибирского населения – как у русских старожилов, так и у аборигенов. Государственная политика существенно влияла на соотношение видов хозяйственной деятельности в аборигенной экономике, что привело к существенным видоизменениям хозяйства коренных обитателей Сибири. Но будучи частью общесибирской экономики, оно органично вошло в процессы всероссийской модернизации начала XX в.

Литература

1. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. IV.
2. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987.
3. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.
5. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. Кн. 1, 4.
6. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948.
7. Наказ Евдокиму Баскакову // Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879.
8. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века. Томск, 1950.
9. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск. 2005.
10. Полевые материалы В.Д. Славнина. Кумандинцы. 1987 г.
11. Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008.
12. Ярилов А.А. Кизильцы и их хозяйство. Юрьев, 1899.
13. Полевые материалы автора. Северная Хакасия. 1990–1995 гг.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 100. Л. 10.
15. Горный Алтай и его население. Заимочники Горного Алтая / Сост. П.М. Юхнев. Барнаул, 1902. Т. 3, вып. 3.
16. Горный Алтай и его население. Переселенческие поселки, образованные в 1878 г. / Сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1900. Т. 3, вып. 1.
17. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. / Сост. В.Я. Бутанаев, А. Абдукалыков. Абакан, 1995.
18. Кашин В.Н. Железодобывающая промышленность Кузнецкого края в XVII – XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934. № 9–10.
19. Памятники сибирской истории. СПб., 1885. Т. 2.

20. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 2.
21. *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. М., 1893.
22. *Аравийский А.Н.* Шория и шорцы // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1927. Т. 1.
23. *Михайлов В.П.* Отчет о поездке на Алтай начальника Алтайского округа в 1910 году. Барнаул, 1910.
24. *Потанов Л.П.* Исторический путь Ойротии // Советская этнография. 1932. № 5–6.